

Сердце Шэнь Мянэ забилось чаще при виде румянца на щеках Жун Юэ. Он подумал, что, вероятно, действительно стал извращенцем.

Повторив про себя основные ценности социализма, Шэнь Мянэ наконец смог успокоиться, чтобы тщательно вымыть его тело, а затем осторожно обработать раненные руки и ноги.

Помочь ребёнку искупаться оказалось настолько утомительно, что Шэнь Мянэ покрылся потом с головы до ног.

Когда пришло время надевать пижаму, его руки уже едва слушались. Особенно когда он вплотную приблизился, чтобы застегнуть пуговицы, Шэнь Мянэ не удержался от комментария:

— Зачем тебе быть таким красивым без всякой причины?

Жун Юэ впервые услышал подобное обвинение:

— Я красив?

Шэнь Мянэ не стал отвечать на вопрос с очевидным ответом. С досадой он застегнул последнюю пуговицу на пижаме, а затем подхватил Жун Юэ на руки. Вес Жун Юэ уже не был таким, как при их первой встрече, и Шэнь Мянэ пришлось приложить немало усилий, чтобы отнести его в комнату. Как только он опустил его на кровать, силы полностью покинули его, и он рухнул рядом.

Жун Юэ с отвращением толкнул его:

— Ты весь в грязи, иди помойся.

Шэнь Мянэ стиснул зубы от возмущения такой неблагодарностью, но, тем не менее, сердито взял одежду и отправился в ванную.

Как только он ушёл, Жун Юэ, держась за пылающие щёки, сел на кровать и задумался.

С тех пор как он встретил ту женщину, Жун Юэ действительно испытывал боль и растерянность.

Но его внутреннее состояние было далеко не таким разрушенным, каким оно казалось со стороны.

Вначале он действительно был охвачен гневом по отношению к той женщине, но всё, что произошло после, в той или иной степени было им предсказано. Он хотел, чтобы она поняла, что для его отца она — ничто.

Это была его месть.

Он успокоился ещё тогда, когда получил ранение.

Он смог противостоять боли, но не смог устоять перед теплом. Как бы ни дул северный ветер, он не снимал пальто, но стоило солнцу слегка пригреть, как он сразу сдавался.

Шэнь Мянэ, откуда ты взялся, такое чудовище?

Жун Юэ взял книгу и начал читать, лёжа на кровати. Шэнь Мянэ принимал душ необычно долго, а затем, совершенно обессиленный, вошёл в комнату и медленно забрался на его

кровать. Это была первая ночь, когда на этой кровати лежал кто-то, кроме её хозяина, и хозяин кровати слегка вздрогнул.

Время было ещё раннее, и Шэнь Мянью явно не собирался спать. Он достал телефон и начал в него играть:

— Что ты делал с телефоном? — затем небрежно продолжил беседу.

Жун Юэ ответил чётко и по пунктам:

— Играл в игры, досмотрел фильм, который начал в прошлый раз, а потом всё время общался с тобой.

— Не всё время, всего несколько раз, — возразил Шэнь Мянью.

Жун Юэ посмотрел на него, но Шэнь Мянью упорно не смотрел в его сторону. Тогда он протянул руку, приложил ладонь к его щеке и повернул его голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Детский ты.

Шэнь Мянью не был детским, он просто понял, что если будет достаточно капризным, Жун Юэ перестанет быть таким безжизненным.

Шэнь Мянью холодно фыркнул:

— Хм.

Рука Жун Юэ на его лице слегка сдвинулась, поглаживая его щёку, а его взгляд стал мрачным и неопределённым.

Из-за того, что они находились в замкнутом пространстве, Жун Юэ мог чётко ощущать, что от Шэнь Мянью исходит тот же запах, что и от него самого. Осознание этого вызвало у Жун Юэ извращённое чувство удовлетворения, пока он гладил его лицо.

Шэнь Мянью только что вышел из душа, и его тело излучало тепло, а рука Жун Юэ была слегка прохладной. Как только его пальцы коснулись шеи Шэнь Мянью, по его телу пробежали мурашки.

— Если бы я мог быстрее вырасти... — вдруг, не думая, вырвалось у Жун Юэ.

Осознав, что он сказал, он тут же прикрыл рот рукой.

Шэнь Мянью, увидев его реакцию, рассмеялся:

— В детстве я тоже всегда хотел быстрее вырасти, думал, что смогу получить больше, смогу контролировать больше.

Но Жун Юэ хотел вырасти явно не по таким простым причинам. Неизвестно, о чём он подумал, но он отвернулся, и теперь уже он не хотел смотреть на лицо Шэнь Мянью.

Шэнь Мянью, ничего не замечая, уставился в потолок, размышляя:

— Но я не хочу, чтобы ты вырослел.

— Почему? — недовольно спросил Жун Юэ.

— Ну, смотри, ты такой милый, что все, кто тебя видят, не хотят, чтобы ты вырослел.

Услышав это, Жун Юэ незаметно взглянул на него, а затем снова протянул руку, полностью охватив лицо Шэнь Мяня.

Он внимательно посмотрел в глаза Шэнь Мяня и с беспрецедентной серьёзностью произнёс:

— Когда я вырасту, я стану ещё более достойным твоего внимания, так что не говори мне не взрослеть.

Шэнь Мянью ничего не ответил, только улыбнулся.

Увидев его улыбку, Жун Юэ ещё больше рассердился, свернулся калачиком и отвернулся к нему спиной.

Шэнь Мянью, редко видевший его таким детским, не смог сдержать смеха:

— Эй, молодой мастер Жун.

Молодой мастер отвечал простым смертным только в хорошем настроении, а в плохом — поворачивался к ним спиной.

— Я не это имел в виду. Ты, конечно, вырастешь ещё красивее, это несомненно.

Но взросление — это очень неопределённый процесс. Шэнь Мянью мог представить, что Жун Юэ, повзрослев, станет ещё более выдающимся, как внешне, так и внутренне, но он не мог быть уверен, сможет ли он сохранить такие же гармоничные отношения с ним. Через полгода, после окончания гаокао, он уедет из городка Лунцзин, а Жун Юэ изменится ещё больше. Он станет более заметным, у него появятся близкие друзья, и его мир расширится. И когда он будет идти по своему пути, иногда останавливаясь для отдыха, он, возможно, вспомнит: «Ах, у меня когда-то был старший брат, с которым я был очень близок».

Но если бы он поделился своими опасениями с Жун Юэ, тот бы точно не согласился.

Поэтому Шэнь Мянью ничего не сказал.

Время беспощадно, но люди не хотят признавать его жестокость, пока не столкнутся с ней лицом к лицу.

— Молодой мастер Жун, нельзя так спать, руки и ноги затекут, — толкнул его в спину Шэнь Мянью.

Жун Юэ буркнул:

— Я не какой-то там молодой мастер.

— Разве не молодой мастер? Я никогда не видел человека с таким капризным характером, — Шэнь Мянью рассмеялся, а затем, перекинувшись через одеяло, сел верхом на его поясницу и повернул его тело. — Эй, слушай меня.

Жун Юэ перевернулся и, увидев, что тот сидит на нём, стал дышать тяжелее.

— Я с нетерпением жду, когда ты вырастешь, — с закрытыми глазами улыбнулся Шэнь Мянью, и его улыбка была яркой, как роза.

Одурманенный красотой, Жун Юэ решил временно помириться с ним.

Шэнь Мянью ещё немного подуспокоил его, и, увидев, что тот больше не сердится, снова улёгся на кровать, играя в телефон. Листая ленту, он вдруг что-то заметил и, взяв телефон, поделился с Жун Юэ:

— Это клип, в котором снялся Хокинг, очень интересная песня.

Жун Юэ приблизился и посмотрел на экран.

Певец напевал:

*

Когда жизнь приводит тебя в отчаяние,

и кажется, что всё идёт не так,

люди глупы и безумны,

и ты устал от всего этого,

попробуй подумать —

ты стоишь на планете, которая всё ещё развивается,

она вращается со скоростью более 1 600 километров в час

и движется вокруг Солнца со скоростью 30 километров в секунду.

Ты, я, Солнце и все звёзды

каждый день преодолеваем расстояние в миллионы миль,

а чтобы пересечь нашу галактику,

нам нужно пройти сто тысяч световых лет...

Так что, когда ты чувствуешь себя ничтожным или одиноким,

помни —

твоё рождение — это самое уникальное

и невероятное событие в этой безграничной вселенной.

А затем молись, чтобы во вселенной была другая разумная жизнь,

потому что на Земле слишком много глупостей.

*

Глаза Шэнь Мянэ загорелись.

Жун Юэ, глядя на человека в инвалидном кресле, который стал частью сияющих звёзд, вдруг произнёс:

— Я познакомился с тобой во вселенной, я познакомился с тобой среди звёзд. Этот мир в конечном итоге исчезнет, но твоя мудрость и дух вечны.

Шэнь Мянэ улыбнулся ему:

— Что случилось? Вдруг такой поэтичный?

Жун Юэ замер, он и сам не знал, почему вдруг стал так рассуждать, поэтому только пожал плечами:

— Иногда ты не можешь объяснить свою ненормальность тем, что эпоха пришла в упадок, или тем, что мы потеряли великого человека.

Шэнь Мянэ действительно не мог этого понять. Он отложил телефон в сторону и полностью сосредоточился на разговоре с Жун Юэ:

— Хотя это звучит немного раздражающе, но у тебя есть какие-то мечты? Хочешь стать поэтом? Или философом?

Жун Юэ покачал головой:

— Я не подхожу для этого.

<http://bllate.org/book/16180/1451413>